

ТРЕТЬЯ ЮГОСЛАВИЯ

Кажется, из-за событий в Польше не уделили должного внимания политическому, экономическому и духовному кризису, в котором безнадежно завязла Югославия. Лишь в последнее время в печати демократических стран стали появляться сведения, что инфляция в Югославии достигла 50%, безработица — 14%, не считая 1 млн. югославов, временно работающих в Западной Европе; долги капиталистическим странам достигли 20 млрд. долларов и намного превышают задолженность Польши в пересчете на душу населения.¹

Мало кто знает, что в Югославии, по официальным данным, ежегодно происходит не менее 500 забастовок на промышленных предприятиях,² коррупция достигла фантастических размеров и, по сообщению югославской печати, только в 1981 г. число преступлений против "социалистической собственности" возросло до 19.000;³ что недавно проведена новая 18%-ая девальвация, вторая за полтора года (30%-ая девальвация была в прошлом году⁴), что в октябре финансовыми мерами существенно ограничена возможность югославских граждан ездить за границу, а это было главным и основным отличием югославского "либерального" социализма от стран Восточной Европы.

Не привлекли особого внимания специалистов даже "контрреволюционные" национальные волнения в южной части страны, населенной преимущественно албанцами, и введение там военного положения, которое существует уже полтора года.

Однако у внимательных наблюдателей югославской действительности нет сомнений, что кризис в Югославии не временный, а структуральный, что он вызван самой системой, и только сдерживался до поры до времени железной рукой Тито. Рушатся одновременно обе фундаментальные идеологические установки, на которых десятилетиями основывалась диктатура югославского Союза коммунистов: "самоуправление" внутри страны

и движение "неприсоединившихся" государств во внешней политике. "Неприсоединившиеся" государства вместо дружного противостояния и Востоку и Западу воюют между собой (Вьетнам и Кампучия, Иран и Ирак, Эфиопия и Сомали и т.д. и т.п.); лидером всего движения стала воистину "неприсоединившаяся" Куба, и стало очевидно, что "рабочее самоуправление" в Югославии — всего лишь фасад, за которым всегда скрывалось неприглядное лицо однопартийной монополии "нового класса".

Смерть Тито, как и следовало ожидать, вызвала такие же процессы в Югославии, как и смерть Сталина в СССР и смерть Мао Цзэдуна в Китае. Хотя собравшийся после кончины Тито съезд партии не превратился в подобие XX съезда КПСС с его критикой "культы личности", а наоборот, прошел под знаменем клятвы верности почившему "кормчому", югославская печать в 1983 г. мало чем отличается от советской печати времен "оттепели" после XX и особенно после XXII съездов. Впервые за 30 с лишним лет запретная тема о страшных концлагерях на островах в Адриатическом море начала бурно обсуждаться в печати, где публикуются воспоминания выживших, письма читателей, и даже появились два романа на лагерную тему. Правда, за критические высказывания о Тито все еще сажают, и еще нигде открыто не говорится, что Тито — главный ответчик за все грехи югославских коммунистов — за лагеря, тюрьмы, массовые расстрелы во время и после гражданской войны в Югославии; за построенные по политическим соображениям фабрики, ставшие ныне тяжким бременем югославской экономики; за насильственную коллективизацию, проведенную уже после разрыва со Сталиным — в 1948 г., после которой югославское земледелие все еще не оправилось, хотя колхозы были распущены через пять лет (в 1953 г.), и за многое-многое другое. Но все же в этом году появилось несколько книг-мемуаров долголетних соратников и сотрудников Тито, в которых, вопреки обязательным возданиям "гениальности" почившего маршала и генсека, довольно правдиво обрисован жестокий, коварный и нередко трусливый диктатор, мало чем отличающийся от других, ранее умерших "вождей народов". Особенно большой шум и даже частичный запрет вызвали первые два тома новой биографии Тито, написанные Владимиром Дедиером, прежним "официальным" его биографом. Парадоксально, что чтение новых книг Дедиера,

напечатанных в Югославии, несмотря на постоянные его клятвы в верности Тито, вызывают намного худшее впечатление о нем, чем книга диссидента Джиласа, напечатанная только на Западе.

Для всех сторонников "югославского пути" к социализму чтение нынешней югославской прессы должно быть чрезвычайно неприятным. Люди, верящие в возможность "хорошего" и "справедливого" однопартийного строя, начинают видеть его в истинном свете только после смерти вождя, когда начинается критика "культы".

Все, десятилетиями накапливавшееся в социальной, политической и экономической жизни страны и скрыто сдерживаемое силой монополярной партии, теперь вырывается на свет Божий. Впервые появляются десятки открытых протестов, петиций, требований, подписанных сотнями интеллектуалов Белграда, Загреба, Любляны. Требуют амнистии для политических заключенных, независимости прессы, исключения из Уголовного кодекса статьи о "клевете на строй"; выступают в поддержку польской Солидарности (за что уже начали сажать). Пока что, несмотря на публичные и междуусобные обвинения партийных вождей, также доселе невиданные, и ежедневные повторения, что необходимо срочно "исправлять систему и ликвидировать отрицательные навыки", власти на этот поток публичных протестов и требований отвечают усиленными репрессиями. За последние два года десятки диссидентов и сотни, если не тысячи, албанцев получили драконовские тюремные сроки, в связи с чем Международная Амнистия впервые опубликовала отдельный отчет о нарушениях прав человека и о положении узников совести в Югославии.

Борьба югославской тайной полиции с оппозицией отнюдь не ограничивается территорией страны. Недавно на нескольких судебных процессах в Германии стало явным то, что многие подозревали уже давно: многочисленные убийства политических эмигрантов на Западе отнюдь не были сведением счетов между представителями различных национальностей Югославии, а осуществлялись югославской тайной полицией.⁵

Жертвами югославской полиции чаще всего являются издатели, редакторы и корреспонденты эмигрантской прессы (за последние 15 лет убито около 40 человек). Причину этого факта надо искать в том, что миллиону югославских рабочих, живущих

на Западе, невозможно воспрепятствовать читать оппозиционную прессу.

Заметное ухудшение межнациональных отношений в многонациональном государстве и рост сепаратистских тенденций объясняются не только нормальным стремлением к свободной национальной жизни, десятилетиями скованной диктатурой, но и усилиями (в последнее время почти что открытыми) югославской партийной печати, действующей по принципу "разделяй и властвуй". Происходит видимая дезинтеграция Союза коммунистов Югославии на республиканские автономные партии. Слушается даже, что некоторые книги, запрещенные в одной республике, не запрещены в другой. Однако это отнюдь не демократизация автономных республик, а лишь распад единого однопартийного строя на несколько таких же однопартийных.

При переходе от интернационального коммунизма к "национальным" власть партийной бюрократии, "нового класса" остается нетронутой, а противостоящие ей силы уходят на национальные междуусобицы, что, в свою очередь, опять-таки усиливает партийную монополию: большинство населения знает, что самая тяжелая диктатура все же лучше, чем межнациональная резня, вследствие которой коммунисты в Югославии и пришли к власти и о которой все еще свежи воспоминания. Так и в нынешней Югославии партийная диктатура, на первый взгляд парадоксально, является не только последствием прежних, но и причиной возрождения новых национальных страстей, и успокоить их может только демократизация страны. Невольно вспоминается, как 13 декабря 1981 г. генерал Ярузельский одновременно с арестом активистов "Солидарности" заменил красный флаг на здании ЦК ПОРП национальным польским флагом, а затем вернул польской армии ее традиционную национальную форму — шапки "конфедератки". От этого Польша, конечно, не стала более демократической.

Тем не менее, в сумерках нынешней послетитовской Югославии появилось нечто положительное, а именно демократическая оппозиция, не разделяющаяся по национальному признаку. В то время как Союз коммунистов Югославии явно перестает быть объединяющей силой в многонациональной стране, появляется идея "Третьей Югославии" — Югославии демократической.

Известны многочисленные петиции с требованиями демокра-

тизации, подписанные совместно диссидентами из разных национальных республик, и даже петиция в защиту арестованных албанских студентов от сотен студентов Белграда, Загреба и Любляны,⁶ хотя официальная пропаганда ежедневно выступает против "контрреволюционных" албанских демонстраций и раздувает антиалбанские настроения.

Еще недавно можно было иронизировать, что кроме Тито никто не назовет себя "югославом". Но последняя перепись населения, проведенная в 1982 г., показала, что именно так ответили на вопрос о национальности 5,6% населения (против 1,3% в переписи 1971 г.), и это вопреки партийному давлению в поддержку "республиканской" национальности. В диссидентских кругах появился символ "Третьей Югославии": три пальца, поднятые на манер двухперстного приветствия "Солидарности". На стенах и в самиздатских листовках изображается графический символ — буква "J" — заглавная буква Югославии, но не с одной, а с тремя точками: "J̣". Недавно о социально-политических предпосылках такого развития писал Милован Джилас в статье "По пути к Третьей Югославии".⁷

Эта оппозиция партийной монополии всполошила власти, так как в многонациональной стране настоящую угрозу диктатуре представляет не националистическая, сепаратистская оппозиция, а объединенная демократическая. Это понимают и кремлевские вожди, и польская правящая партия, выступившие с оружием против "Солидарности", выдвинувшей отнюдь не националистические, а демократические требования (свободные выборы, независимые профсоюзы, свобода печати, амнистия политзаключенным и т.д.).

Югославская печать полна нападок на "подписантов" и сторонников так называемой демократической альтернативы. Недавно видный хорватский коммунист, бывший министр иностранных дел Йосип Врховец публично заявил, что "петиционизм" является "продуманной атакой на наш социализм ... (это) идеология противостояния нашему социализму".⁸

Югославию нередко сравнивают с ретортой, в которой собраны все противоречия нашего мира — и восточные, и западные. Для этого есть веские основания: однопартийный строй восточного типа — и в то же время проблемы безработицы, как на Западе; промышленно развитый север и отсталый юг; католиче-

ская западная часть страны, православная восточная, мусульманские — центральная и южная; и к тому же обязательный государственный атеизм; монополия коммунистической партии — и вторая, подпольная компартия с двумя фракциями — просоветской и прокитайской; сильнейшие националистические стремления и официальный, якобы марксистский интернационализм и т.д. и т.п. Все, что происходит в Югославии, может быть экстраполировано за пределы этой небольшой балканской страны: ход событий в Югославии во многом является праобразом судьбы всей нашей планеты. Если Югославия окончит свой путь в хаосе и мраке межнациональной резни и безвыходной диктатуры или множества диктатур, то, возможно, что весь наш мир подстерегает такая же участь. И наоборот, если демократические силы, выступающие за "Третью", демократическую Югославию, окрепнут, — это будет означать возможность такого выхода из нынешнего мирового кризиса.

В 1948 г. Югославия, первая в истории, расколола монолитное в то время коммунистическое движение. Наблюдая ныне вооруженные столкновения между коммунистическими странами, трудно даже представить, насколько невероятной и невозможной казалась в те времена сама идея независимого от Москвы коммунистического государства. Сейчас таким же невероятным кажется переход от однопартийного социализма к плюралистическому. Югославия, которая, в отличие от Польши, не является членом Организации Варшавского договора, могла бы повторить 1948 г., на этот раз продемонстрировав миру возможность демократического социализма. Это и было бы рождением Третьей Югославии.

Примечания

- 1 Wall Street Journal, Oct. 13, 1982.
- 2 NIN, Beograd, July 11, 1982.
- 3 Borba, Beograd, July 1, 1982.
- 4 Wall Street Journal, Oct. 2, 1982.
- 5 Saarbrücken Zeitung, July 24; La Quotidienne de Paris, Aug. 13, 1981. Die Zeit, May 7, 1982, "Yugoslavia — Freedom to Conform".
- 6 "Югославия — свобода послушания", Helsinki Watch Committee, 1982, p. 27.
- 7 В сборнике "Demokratische reforme", Лондон, 1982.
- 8 "Danas", Загреб, 9 ноября 1982 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Франтишек Силницкий

К 60-летию ОБРАЗОВАНИЯ СССР

"Только пережитый опыт может заставить массы увидеть правду и расстаться со ставшими чересчур опасными иллюзиями".

*Густав де Бон,
"Психология толпы"*

Три революции произошли в России в первые два десятилетия нашего века, и в каждой из них проявился конфликт между центральной властью и нерусскими народами. Первая революция была подавленным бунтом, вторая — завершилась попыткой установить демократическое и плюралистическое общество. Но еще до решения этой задачи началась третья революция — большевистская, выдвинувшая легко усваиваемые и популярные в массах лозунги. Эта революция породила гражданскую войну, привела к уничтожению старых и строительству новых структур, восстановлению территории распавшейся было империи.

Активные составляющие всех этих революций — национальные движения нерусских наций за национальные и гражданские права — в третьей революции были лацифицированы идеей абстрактного пролетарского интернационализма. И не случайно, что с первого момента прихода большевиков к власти политики и историки не перестают задаваться вопросом, как же немногочисленной группе радикалов удалось не только прийти к власти, но и удержать ее; как удалось им организовать экономическую жизнь страны в соответствии с собственной идеологией и как